

Урина Мазаева

комедийный

любовный роман

Тетрис
с холостяками

Ирина Мазаева
Тетрис с холостяками

«ЭКСМО»

2007

Мазаева И.

Тетрис с холостяками / И. Мазаева — «Эксмо», 2007

Женщина бежит, мужчина ее догоняет – вот старый проверенный способ благополучно домчаться до дверей загса. А если добыча, в смысле симпатичный холостяк, останавливается посреди этой гонки и начинает оглядываться по сторонам – всё, на свадьбу можно уже не рассчитывать. Так случилось и с Эллочкой, которая страстно мечтала о замужестве, а влюбилась в бесперспективного в этом плане бабника. Так и утонула бы в слезах несчастная девушка, если бы однажды ей не повстречался самый обычный олигарх...

© Мазаева И., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая	8
Глава третья	13
Глава четвертая	17
Глава пятая,	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ирина Мазаева

Тетрис с холостяками

Глава первая, Которая знакомит нас с Эллочкой Виноградовой

Эллочке Виноградовой исполнилось двадцать восемь, и она решила, что в жизни непременно надо что-то поменять. Поменять что-то гораздо более значимое, чем занавески, стрижку или привычку встречаться по пятницам с подругами в кафе напротив театра. И Эллочка с редкой для дам ее положения решимостью подала заявление об уходе из школы. Из той самой школы, где учительствовала целых пять лет после окончания вуза.

Директор очень удивился: Эллочка была хорошим педагогом. Она до самозабвения, до сладкой дрожи любила русскую литературу. Она читала и перечитывала старенькие томики не столько из-за требований программы, сколько из-за вот этой, настоящей, действительной любви к литературе. Любила она и русский язык, могла так и эдак вертеть самое заумное предложение, чтобы сделать его понятнее пятнадцатилетним оболтусам. С оболтусами Эллочка быстро находила контакт. Когда надо, была требовательна, когда надо – сближалась до фамильярности, многое им позволяла и не прощала только одного – пренебрежительного отношения к любимому ею предмету. С этой точки зрения уход Элочки казался странным: ведь она же была на своем месте? Но, с другой стороны, и директор это понимал отлично: чтобы жить на учительскую зарплату, требовалось нечто большее, чем просто любовь к своему предмету. Получив диплом, выпускники спешили проститься с альма-матер и броситься в мутные воды коммерции, бизнес-ланчей, дорогих авто и черт еще знает чего, но очень красивого. Более того, в свое время директор и сам бросился, но то ли не глубоко нырнул, то ли не рассчитал силы, но его быстренько прибило обратно, в тихую школьную гавань, где, по крайней мере, всегда можно рассчитывать на свой скромный кусок. Директор отнесся к Эллочке по-отечески, можно сказать, благословил ее на поиски прекрасной жизни, а про себя сказал: «Баба с возу...» – и немного взгрустнул, что не видать ему больше полной Элочкиной груди, колышущейся в любимых им вырезках редко, но надеваемых ею открытых джемперов.

Коллектив дружно проводил Эллочку. Выпили, как полагается. Пожурили, что не дотянула до конца учебного года. Эллочка потупилась. Она хотела было начать объяснять, что у каждого в жизни наступает такой час, когда что-то там в кладовых судьбы происходит, запоры слабнут и, если поднатужиться, можно ухватить себе что-нибудь, о чем давно мечталось. Когда приходит такой час, тогда главное – сориентироваться, отдаться на волю этого самого часа, и пусть он решает за тебя, а ты только помни, помни, чего ты на самом деле хочешь. Эллочка не была решительной женщиной, авантюристкой, она просто почувствовала канву своей жизни и вдруг ясно увидела ту дырочку, куда именно в этот момент нужно было нырнуть.

Посмотрим внимательней, что собой представляла Эллочка Виноградова в свои двадцать восемь. У нее был диплом об окончании филфака и пять лет педагогического стажа за спиной. Как уже говорилось, Эллочка любила русскую литературу и жила в вычитанном из книг мире балов, прекрасных дам и галантных кавалеров. Даже проверяя сочинения, она между строк видела себя в белом платье со шлейфом, в белых перчатках, с хлыстиком – с каким хлыстиком?! – с букетом роз, а рядом – молодого человека со свежим румяным лицом и печатью ума на челе, декламирующего ей стихи о любви...

Любовь – вот о чем грезила Эллочка Виноградова. Не находя ее в жизни (по крайней мере, не находя той любви, о которой она мечтала), Эллочка искала ее в книгах, и книги щедро

показывали ей любовь. Ее не смущал тот факт, что большинство героинь нашей классики были брошены своими возлюбленными, начиная от карамзинской Лизы и заканчивая благородной Аглаей, оставленной князем Мышкиным ради беспутной Настасьи Филипповны.

Мир грез Элочки Виноградовой был прекрасен. Едва прикоснувшись щекой к подушке, едва закрыв глаза, скромная невзрачная учительница слышала стук копыт под окном, скрип рессор и снизу, из передней, голос швейцара: «Карета подана!» Она смотрелась в зеркало и видела себя совсем другой – такой, какой она была, как ей казалось, на самом деле: в бледно-сиреневом атласном платье с глубоким декольте и затянутой корсетом талией, с глазами глубокого синего цвета, с высокими скулами, с волосами, собранными в пышную прическу... Лепила кокетливую мушку над верхней губой – я свободна, я готова к любви! – и срывалась в шуме нижних юбок, и бежала, стуча каблучками, вниз, к карете, на бал – навстречу своей судьбе...

Но к двадцати восьми годам Элочка поняла, что всех оболтусов любить литературу не научишь, а любовь в чисто женском коллективе – не считая женатого и многодетного директора – не встретишь. Наверное, это была очень сильная мысль для забитой романтическими фантазиями Элочкиной головы. К тому же она почувствовала свой час, колокол над ухом, или как оно там ей дало о себе знать? И написала заявление об увольнении. Теперь больше апокалипсиса она боялась признаться в содеянном своим родителям.

Элочка жила отдельно от них в завещанной ей бабушкой однокомнатной хрущевке и была совершенно самостоятельной девочкой, но родители упорно не желали этого признавать. Как объяснить им, что она сама хозяйка своей судьбы, Элочка не знала...

А родители встретили это известие довольно сносно, почти не кричали. Сказали, конечно, про недалёковидность и то, что сначала надо было найти новую работу, а потом увольняться. Тайная канва и предопределенность им не сказали ничего, ведь они не верили в какой-то там звездный час. Больше всего их расстроило, что Элочка не представляла себе, кем она хочет быть, если не учительницей. И при этом она упорно отказывалась переучиваться на бухгалтера. Но ничего, и это они, родители, пережили. Мама у Элочки всегда была догадлива – это раз, и очень хотела скорее получить внуков – это два. И она быстро сообразила, что от новой дочкиной работы требовалось в первую очередь одно – наличие коллег-мужчин. И при этом молодых, симпатичных и неженатых. А в бухгалтериях мужчин не бывает...

Скажем же немного об Элочкиной внешности. Элочка была среднего роста, блондинкой. Элочка не была худенькой. Формы у нее были самое то, самое оно, пожалуй. Руки у нее были красивые: маленькие, мягкие. Будь у нее лицо попроще – отбою бы от мужиков не было. Мечта сантехника Огурцова, так сказать. Но не зря же Элочка окончила филологический факультет, прочитала всего Достоевского и обыгрывала отца в шахматы. Увы, у нее были все основания считать себя умной, и это как-то само собой отражалось у нее на лице. Плюс очки. Плюс дурацкий учительский пучок на голове (волосы отвлекали ее от умных мыслей). И опять же, как одевалась Элочка? Неизменный свитер и длинная широкая юбка. Обувь на низком, в лучшем случае – на среднем, но широком каблуке. Пальто, которое ей купили еще в институте. Самое большее, на что ее хватало, – это надеть джемпер с вырезом, чтобы грудь слегка было видно. И тот она надевала, только когда у нее появлялся поклонник, и носила ровно до его исчезновения с ее, Элочкиного, горизонта.

Почувствовав дуновение судьбы в затылок, поймав свой час, Элочка сделала вещь неслыханную, дерзкую, из ряда вон выходящую. Получив расчет, она потратила больше половины немаленькой по Элочкиным меркам суммы на тряпки. И пошла она за ними не на рынок, а в модный магазин. И обошла за неделю – страшно представить! – треть города, но экипировалась полностью, с ног до головы. Оказалось, что при наличии времени и определенной удачи даже в дорогих магазинах со скидкой можно купить отличнейшие наимоднейшие вещи.

Элочка купила себе кожаный пиджачок, кокетливую шляпку – дань книгам (оказалось, что шляпки ей неимоверно к лицу), три пары хорошей кожаной обуви, перчатки и сумочку, а

также юбку и блузку, кардинально отличающиеся от того, что она носила до сих пор. Эллочка не стеснялась отдавать предпочтение смелым расцветкам, и апофеозом шопинга стала покупка красного вечернего платья, которое Эллочке решительно некуда было носить.

Впрочем, внимательный психолог заметил бы преобладание в покупках теплых коричневых оттенков, что говорит о том, что человек настроился или созрел для уютного семейного гнездышка. Что ж, неудивительно, ведь Эллочке исполнилось двадцать восемь, карьере она не делала и не планировала, стало быть, давно пора заполнить некий вакуум ее жизни семьей. Но для этого Эллочке, хоть тресни, нужна была большая, как в толстых романах, любовь.

А для любви – мужской коллектив. (Не знакомиться же, право слово, по объявлению!) Для мужского коллектива – соответствующая упаковка ее, Эллочкиных, достоинств. Понятно, что достоинства – а у госпожи Виноградовой с самомнением и самолюбием было все в порядке – говорили сами за себя, но одежда в этом случае была призвана сыграть роль рупора, усилителя... Итак, Эллочка экипировалась. Оставалось только ожидать появления на горизонте фирмы, фирмочки, готовой предоставить нашей героине полигон для трудовых подвигов и исключительно мужское окружение.

Глава вторая

Звездный час Элочки Виноградовой

Как ни странно, фирма, вернее, огромный завод не заставил себя долго ждать. То ли Элочка действительно правильно сориентировалась в своей судьбе, то ли безработица в нашей стране резко пошла на убыль, но в первой же открытой газете она увидела набранное крупным шрифтом объявление: «Крупному предприятию в корпоративную газету требуется работник. Высшее образование, навыки литературного творчества, знание русского языка». У Элочки в головке дзинькнуло. Журналистика – вот он, ее Клондайк. Журналистика – это общение, общение и еще раз общение. С кем общаться, работая в корпоративной газете? С руководителями и специалистами. А кто руководители и специалисты? Мужчины!

Восемь часов в день общаться с молодыми, симпатичными, неженатыми мужчинами – казалось, это предел мечтаний Элочки. К тому же с подобной работой у нее проблем быть не могло: все годы учебы она подрабатывала в газетках. Элочка смело набрала указанный номер телефона. Ей сразу же предложили приехать и предстать пред очи ее возможной непосредственной начальницы.

То есть непосредственный начальник оказался женщиной. Элочка немного расстроилась, добираясь транспортом до завода, но решила не отступать. Троллейбус, завезя ее на жуткую окраину, остановился прямо перед зданием заводоуправления, как и объяснили по телефону. Элочка легко, с видом человека, вступающего в новую жизнь, спрыгнула с последней ступеньки, два раза глубоко вздохнула и широким шагом направилась по аллее, ведущей к центральному входу.

На входе ей долго выписывали пропуск, кому-то звонили, проверяли документы, но смотрели на нее на всякий случай уважительно, как на будущее возможное начальство. Элочке было приятно. В новом кожаном пиджаке, новеньких сапожках, вообще во всем модном и новеньком она чувствовала себя каким-то новым и важным человеком.

Главное, она чувствовала себя защищенной этой дорогой и модной одеждой, как будто та все сразу говорила о своей хозяйке: «Моя хозяйка – богатая, независимая женщина, она по определению не может быть одинокой – за такой женщиной обязательно кто-то стоит». И Элочка чувствовала себя уверенно. Понятно, что вся эта уверенность должна идти изнутри человека, но народ нынче пошел нечуткий, и обмануть его можно было легко. Куда ни глянь, маленькие, слабые и пугливые люди выходили из дорогих машин, неся на плечах дорогую одежду, и все покупались, считали их большими, сильными и уверенными и даже завидовали им.

Маленькой, слабой и пугливой Элочка, однако, не была. Она вовсе себя не знала: кто она, что она и что она сама от себя могла ожидать. Точнее, до того она уже сама о себе напридумывала (после все тех же красивых романов и романтических красавиц), что только окончательно запуталась. Но, сидя перед своей возможной будущей начальницей, к которой ее наконец допустили, Элочка чувствовала себя цельной и сильной личностью. Неважно, кем она была, важно то, что ей удалось произвести впечатление. Элочка показалась Ирине Александровне Драгуновой девушкой умной, знающей себе цену, умеющей постоять за себя, но в то же время послушной и, где надо, беспринципной, что для журналиста едва ли не основное достоинство. Ирине Александровне понравились представленные Элочкой заметки, ее стиль, язык, а также новые сапожки, о которых уже два месяца задумывалась сама Ирина. И Элочка была принята на работу. С испытательным сроком и более низкой зарплатой, конечно, но поскольку и эта пониженная зарплата была выше учительской, Элочка Виноградова была счастлива.

Так началась новая Эллочкина жизнь. И даже первые неприятности на новой работе были новыми и особенными: не такими, как в школе.

Неприятность главная, собственно говоря, была одна. Эллочку приняли корреспондентом, а редактором был пятидесятилетний некрасивый мужчина по фамилии Козловцев. Фамилия говорила сама за себя. Он был самовлюблен, упрям и туп. Более того, он все не мог понять, что времена уже давно изменились, что в страну пришли рыночные отношения вместо плановой экономики. Он ничего не понимал в компьютерах и, более того, этим кичился. На работе же его держали, видимо, за то, что выглядел он солидно, молчал с умным видом и умел, как никто, почтительно наклонять голову перед генеральным и говорить: «Да-да, как скажете». «Типичный лакей», – подумала Эллочка, увидев однажды его манеру общаться с начальством, и воображение тотчас унесло ее в обжитой мир книжных фантазий.

Фантазии и стали первым предметом их разногласий. Эллочка работала быстро, все схватывала на лету, ловко печатала на компьютере и потому считала, что имеет законное право отдаваться фантазиям все оставшееся рабочее время. Играть в тетрис, умиротворенно складывать в неизменный стакан любимые загогулилки, палочки и квадратики. Или вот, например, в колор-тетрис, когда стоит сложить три квадратика одного цвета по горизонтали, вертикали или диагонали, как они пропадают... И мечтать, мечтать... Редактор так не считал. И чуть заприметив блаженное выражение на ее лице в рабочее время, выходил из себя и начинал объяснять Эллочке, кто она и что ей надлежит делать. От вида тетриса он просто свирепел.

– Вы – не Пушкин, – гремел он, подскочив со своего кресла.

Эллочка и сама ни минуты не сомневалась в том, что она не Александр Сергеевич, а Элла Геннадьевна, но «не Пушкин» в устах редактора значило «вы – бездарность» и подразумевало «работать вам надо в поте лица, чтобы хоть немножко соответствовать занимаемой должности и моему огромному журналистскому опыту». Впрочем, обделяя Эллочку еще и логическими способностями, Козловцев все это подробно ей растолковывал.

Надо ли говорить, что помощи в освоении по сути новой для нее профессии, а также специфики производства, про которую приходилось писать, с его стороны ожидать не приходилось? Отрываясь от голубого монитора и выходя в цех, Эллочка оказывалась среди чуждых ей гофрированных валов, котлов-утилизаторов, электродов, дефектоскопистов и главных специалистов непонятного и потому страшного ППО.

Первый Эллочкин опыт погружения в производство был и вовсе ужасен. Эллочку отправили в «литейку» – литейное производство. Вся такая новая, красивая, воздушная Эллочка впорхнула на второй этаж, пробежалась по коридору, ведущему в цех, и влетела... в ад. По крайней мере, ад ей всегда представлялся именно так: оглушительный грохот, копать и вонь, черные страшные черти, почему-то жуткий холод и при этом везде призрачные огни. По инерции Эллочка проскочила куда-то в эту темень и гарь. Ноги у нее замерзли, а правую щеку при этом нестерпимо припекло жаром. Эллочка отшатнулась. Справа на толстой черной цепи висел котел с расплавленным металлом, в котором – сразу же представилось Эллочке – уже были заживо сварены с десятков систематических прогульщиков, казнокрадов и непрофессиональных журналистов. Эллочка рванулась было дальше, но ее путь неожиданно преградила красная линия.

Эллочка замерла. За линией была надпись: «При работающем конвейере – не переходить». Тут только Эллочка заметила конвейер.

Конвейер – маленькие вагончики с какой-то рудой, как у гномов в их пещерах, – медленно двигался. На площадке стоял черный, как черт, мужик и лениво нажимал какой-то рычаг. Каждый раз при нажатии из котла, висевшего над конвейером, выливалась порция раскаленного металла в очередной вагончик. Эллочка стояла как вкопанная. На заднем плане, как в кино, мерно двигались черные страшные фигуры и вспыхивали огни. Буйному Эллоч-

киному воображению происходящее тут же напомнило средневековую мистерию, и она задрожала, потому что непосвященным такое видеть не полагается.

Мужик, впрочем, тоже засмотрелся на Эллочку. И забыл вовремя дернуть рычаг...

Раскаленный металл перелетел через край вагончика, брызнул на пол, разбился на ослепительные осколки, часть которых полетела далеко за красную черту и впиалась в симпатичные Эллочкины ножки. Эллочка взвизгнула, как ошпаренный поросенок, и бросилась бежать сломя голову и не разбирая дороги.

...Потом Эллочка, правда, поговорила все-таки с рабочими, гревшимися у костра, разведенного в бочке. А затем ей пришлось выкинуть еще совсем новое бежевое пальтишко, потому что копоть не взялись очистить ни в одной химчистке. Драгунова же, похихикав, выдала ей – издеваясь? – тулуп специально для посещения литейки. Эллочка же весь вечер пребывала в полной прострации, и ей казалось, что она просто чудом осталась жива.

Таким было неведомое ей доселе производство, в котором бывшей училке необходимо срочно разобраться. Стать своей.

Эллочка начала с азов. Завод производил нефтехимическое и целлюлозно-бумажное оборудование. У нее, до сего момента не знавшей, что такое целлюлоза и что бензин получают из нефти, периодически начиналась паника. Своей головы не хватало. Приходилось постоянно всех спрашивать, а ведь не так-то просто, отработав пять лет учителем, вдруг оказаться бесполой ученицей. И с утра до вечера ей все объясняли очевидные для них вещи, а она продолжала приносить им на вычитку тексты с глупейшими ошибками.

– Емкости для хранения сжиженного пропана – это не бумагоделательное оборудование, а нефтехимическое, – объяснял Эллочке главный «химик» предприятия Виктор Иванович Мальков и как можно мягче, но с видом человека, пытающегося что-то объяснить недоумку, спрашивал: – Разве для производства бумаги нужен пропан?

– Нет, – послушно отвечала Эллочка.

– Правильно, – радовался Мальков, – а что такое пропан, помните? Ну же, с уроков химии?

Модная одежда не спасала. Эллочка чувствовала свою полную несостоятельность. Ведь от нее все ждали, что она будет скрупулезно вникать в суть их дел, выявлять и безжалостно обличать недостатки, тонко подмечать удачи и успехи...

Более того, те самые мужчины, которых она так жаждала видеть вокруг себя, оказались в большинстве своем пред- либо уже пенсионного возраста (хотя некоторые были очень даже ничего...), великими специалистами, которые в Эллочке видели всего лишь глупую девочку, дурочку, брали с ней сразу же сюсюкающий тон и пытались объяснить совсем уж очевидные вещи. А Эллочка, проработав пять лет в женском (читай – бабском) коллективе, начисто забыла, как с этими особями противоположного пола обращаться. Эллочка столкнулась с мужским шовинизмом во всей своей красе (правильнее было бы сказать – уродстве). «Почему бы вам не пойти в другую газету, писать о юбочках-помадках?» – постоянно спрашивали Эллочку. Добиться же их внимания – взять у них интервью! – можно было только после звонка Драгуновой. Любые разговоры с Эллочкой начальникам и специалистам казались пустой тратой времени. А надо было как-то правильно поставить себя, завоевать уважение! Ну или хотя бы просто перестать их бояться...

Эллочка потихоньку впадала в транс.

...Высокие блондины, стройные брюнеты, неженатые остряки, нежно любящие детей молодые мужчины, грезившиеся ей в сладких снах, работали, очевидно, на каком-то другом предприятии...

Вместо них ей приходилось общаться с заводским фотографом Пупкиным – мешковатым мужчиной неопределенного возраста. Пупкин был суетлив и чересчур разговорчив. Что бы

он ни фотографировал, выходило страшненько. Котлы-утилизаторы на его фотографиях были неотличимы от корообдирочных барабанов, мужчины и женщины выглядели старше на десять лет. По совместительству он числился в редакции, и Эллочке приходилось его таскать за собой по цехам и кабинетам, контролировать каждое действие, но выходило все равно хуже некуда. А вообще-то он был ничего, милым... Но некрасивым и женатым.

Пупкин Пупкиным, но и на прочих редких особей мужского пола, которым до пенсии еще оставалось хотя бы с десяток лет, Эллочка реагировала как-то вяло. Были, конечно, какие-то мелкие конструкторишки, компьютерщики, переводчики, чьи-то ассистенты и молодые станочники с фигурами атлетов. Те, кто хотя бы не смотрел на нее, как на дуру. Но это все равно было не то, кто-то не те. Эллочка спокойно смотрела им прямо в глаза, откликалась на шутки, но разговаривала с ними как-то не так, без задоринки, не закидывала ногу на ногу и не играла туфелькой.

Гораздо больше, чем непривычное и постоянное присутствие рядом потенциальных женихов, ее волновали трудности в освоении новой стороны жизни в виде котлов-утилизаторов и корообдирочных барабанов, а также упорный отказ со стороны руководства и главных специалистов признать у нее наличие хотя бы зачатков интеллекта, способного в этом разобраться. Неужели же она, человек, который смог понять все психологические выверты романов Достоевского, не сможет разобраться с котлами и барабанами?! В Эллочке неожиданно выиграло честолюбие.

Эта новая сторона жизни была реальной в отличие от Эллочкиного выдуманного мира с балами, красивыми тайными пороками, конными прогулками и пикниками.

Самое интересное, что эта новая, реальная сторона окружающего ее мира – промышленное предприятие, производство, экспортные поставки, экономические расклады, аудиторские проверки и прочее – неожиданно по-настоящему, всерьез увлекла Эллочку. Эллочке стало вдруг интересно вникать в детали производства, в экономику, читать журнал «Бумагоделательное производство» и смотреть политические ток-шоу. «На чем же держится российская экономика? Реален ли на данный момент двойной прирост ВВП? Как работают предприятия? В чем их проблемы?» – такими непривычными для самой Элочки вопросами вдруг оказалась занята ее голова. Эллочку распирало изнутри. Когда она шагала по территории завода между громадных железобетонных конструкций, среди высоченных кранов, трейлеров, вывозящих пугающих размеров детали, чего-то еще более огромного и монументального, сердце Элочки трепетало. Она, наша девочка, родилась и выросла в Советском Союзе с гигантскими производствами и свинарниками на десятки тысяч голов, в стране, где каждый человек среди всего этого имел полное право проходить как хозяин. Страна уже давно была не та, а Эллочка со своей нищенской – по меркам развитых стран – зарплатой шагала себе среди корпусов предприятия как хозяйка и радовалась непонятно чему.

– Ну почему, почему вы не ведете активной работы по поиску новых заказчиков? Почему вы работаете только с теми, кто заказывал у вас еще в советские времена? – вопрошала Эллочка главного «бумажника» Кузнецова, который по совместительству был и директором по маркетингу в своем, бумагоделательном, производстве. Равно как и Мальков – в своем нефтехимическом.

– Потому что в нашей стране за последние десять-пятнадцать лет предприятия только разваливаются и разворовываются, а не создаются. Поверьте, Элла Геннадьевна, если бы нам удалось сохранить хотя бы прежний круг заказчиков, мы бы жили сейчас припеваючи. Но бумагоделательные предприятия – наши заказчики, – попав в собственность самих рабочих, сейчас уже прибраны к рукам. Если туда пришли наши русские предприниматели, единственная их цель – хапнуть денег, выжать с предприятия побольше и уйти. Они не хотят вкладывать средства в модернизацию производства, покупку оборудования. Им нужна прибыль сейчас, а не стабильная работа в будущем. А на том оборудовании, которое там имеется, можно худо-

бедно проработать еще лет пять-семь. Я понятно объясняю? Таким образом, нам интересны только те предприятия, куда пришел иностранный капитал, которые превратились в совместные предприятия. Потому что они работают на будущее.

Но и это не останавливало Эллочку, не охлаждало ее задор. Замороженные станки, полупустые цеха, злые рабочие пенсионного возраста, получающие копейки за свою работу, – все это проходило мимо Элочки. Эллочка видела только светлое будущее, увеличение ВВП, подъем в экономике и всеобщую солидарность трудящихся...

Глава третья

О том, как Эллочка обзавелась новой подругой

Наступила пятница, вторая пятница новой Эллочкиной жизни. В типографию сдали второй номер газеты, где на последней полосе было набрано: «Корреспондент Элла Виноградова». Редактор как уехал с утра в типографию, так, видимо, с концами, и Эллочка неожиданно расслабилась. Две недели непривычного нервного напряжения, новых впечатлений, мужчин, обвинений в бездарности, туфель на умопомрачительных каблуках, попыток добиться уважения, котлов-утилизаторов дали о себе знать. Не то чтобы Эллочка, как в рекламе, сторела на работе, а, скажем, она слегка подгорела, подсадила свои аккумуляторы да просто устала, чего уж там, выдохлась. Любимый тетрис ее не радовал.

Эллочка насыпала в чашку растворимый кофе, залила его кипятком, скинула ненавистные к концу недели туфли и забралась в старое кресло с ногами. Сидела, размешивала дешевую коричневую бурду в чашке и грустила.

– Привет, ты одна? – С этими словами совершенно неожиданно для Элочки, так, что она даже чуть не пролила кофе на клавиатуру, в редакцию ввалилась неопределенного возраста девица в джинсах и без косметики. Эллочка, которая не мыслила себе даже за хлебом выскокить без макияжа, обалдела, но, как человек все-таки большей частью не пасующий перед неожиданностями, взяла себя в руки и вежливо ответила:

– Здравствуйте, чему обязана?..

– Не появится твой-то?

– Э-э... – Эллочка напряглась. – Вы про редактора? Нет, скорее всего его уже не будет.

– Ну и отлично. О, в тетрис играешь? А я все больше квесты люблю, стрелялки. Я сяду? – И девица плюхнулась в редакторское кресло. – А я смотрела, как ты снуешь по коридорам, смотрела... Газетку вот, – свесившись с кресла, она взяла со стеллажа предыдущий номер и помахала у Элочки перед носом, – почитала – свой, думаю, человек, эта Элла Виноградова, дай, думаю, схожу познакомлюсь. Меня, кстати, Мариной зовут, я у Малькова – это тот, который по химаппаратуре главный, ну, у него кабинет на втором этаже рядом с профсоюзом, с твоей начальничкой Драгуновой, – секретарь я у него. Ну, как тебе на новом месте работается?

– Хочешь кофе? – Эллочка понемногу начала чувствовать себя хозяйкой, сообразила, что гостя младше ее, и успокоилась. Маринка кивнула, и Эллочка поставила перед ней чашку. – Да осваиваюсь потихоньку, – Эллочка подвинула госте сахар, ложечку, какие-то печенюшки; Маринка довольно кивала. – Только вот смотрят на меня все, как на дурочку. Как будто сами сразу родились со всеми своими знаниями! – Эллочка чувствовала себя уже совсем легко.

– Ерунда! – махнула рукой Маринка. – Меня тоже сначала ни в грош не ставили. Суешь им, суешь бумажки на подпись, а они как от мухи отмахиваются. А я знаешь, как боялась в кабинеты входить. Они сидят там – такие важные, серьезные дядьки! Трусишь?

– Трушу!..

– Ерунда. Есть отличный способ спокойно с ними общаться. Даже когда они на тебя орут, что ты отвлекаешь их от важных дел. Готова? – Маринка аж подскочила с кресла. – Все просто: представляй себе их голыми.

– ???

– Ну да, без одежды. Слышала, как мой Малек кричит, что в коридоре слышно? А я как представлю себе его без одежды, голенького, с кривыми ножками, толстым брюшком...

Эллочка возмущенно замахала на нее руками.

– Ну, ладно, – согласилась Маринка, – представляй их для начала в трусах. Они же все носят семейные трусы. В горошек или в полосочку. До колен. Он на тебя кричит, а ты его в трусах представляешь – и не страшно.

Эллочка тут же представила себе Козловцева с его обычным напыщенным видом, но при этом в семейных трусах в цветочек и захихикала.

– Козловцева своего представила? – спросила проницательная Маринка, – молодец, способная ты, однако.

– А сколько тебе лет?

– Мне? Двадцать три. Я универ бросила и приперлась сюда работать. Предки устроили. Второй год уже тут коридоры протираю. Теперь уже никого и ничего не боюсь. А тебе сколько?

– Двадцать восемь.

– А выглядишь моложе. Хорошо сохранилась, старушка. Говорят, в школе работала до этого?

– Кто говорит?! – испугалась Эллочка, – что еще про меня говорят?

– Расслабься. Здесь все про всех говорят. Или у вас в школе этого не было? Так чему учила-то подрастающее поколение?

– Русскому языку и литературе...

– Чего это вдруг тебя к нам потянуло – на завод?

– С моим образованием журналистика – хороший выход, а в настоящую газету меня не взяли бы...

– А ты знаешь, – Маринка наклонилась к Эллочке и вкрадчиво зашептала ей на ухо, – здесь происходят такие странные вещи...

– Какие?.. – тоже перешла на шепот Эллочка; где-то под ложечкой у нее зашепотало.

– Кругом интриги. Не все так просто, как кажется...

– ???

Маринка отодвинулась:

– Видела Пупкина?

– Еще бы, я же с ним часто общаюсь по работе. А у него правда такая фамилия?

– Представь себе. Что ты о нем можешь сказать?

Пупкин как Пупкин. Глуповат. Неуклюж, неряшлив. Вежливый такой, милый даже. Беззащитный какой-то.

– Ну, еще?! Где интуиция?

– А он что – не тот, за кого себя выдает? Он такой простой, совсем простой, весь нараспашку, как будто никаких тайн у него и быть не может. Предлагал мне за двадцатку сфотографировать меня на загранпаспорт или еще на какие-нибудь документы. Двадцатка – это смешно.

– То-то и оно, что он с виду слишком прост. Это истораживает. В этом есть какая-то загадка, которую мы – мы! – должны отгадать. Кто в наше время цифровых камер ходит с «Зенитом» и печатает фотографии сам? Ты, кстати, была у него в фотолаборатории?

– Нет, он всегда сам прибегает и все приносит.

Маринка хитро улыбалась и непрестанно многозначительно подмигивала Эллочке. Хотя, может, это у нее был нервный тик.

– Я знаю, зачем ты пришла именно на завод, – неожиданно выдала она, но не закончила свою мысль, а вдруг предложила: – Слушай, а у нас есть коньячок в шкафчике. Мой сегодня в хорошем настроении. Сбегать?

– Сбегай, – Эллочка решила ничему не удивляться, а отдаться во власть стихии.

Маринка вернулась с початой бутылкой коньяка, двумя рюмками и шоколадкой.

– У меня этими шоколадками весь стол забит: носят, носят... вот и пригодилось. А коньяком наши – в смысле начальник ОВС, ну, отдела внешнеэкономических связей, Белоножка, первый зам генерального Кауфман – с иностранцами договора обмывают. – Она ловко раз-

лила. – За любовь! – Чокнулись, выпили, и Маринка констатировала: – Мужичка себе здесь ты хочешь подцепить.

Эллочка чуть с кресла не упала.

Новая подруга пожала плечами:

– У тебя же на лбу написано: «Хочу выйти замуж».

Эллочка в ужасе схватилась за лоб.

– Да не пугайся ты так, все в твоём возрасте хотят выйти замуж. Только не надо это так афишировать.

Эллочка взвыла.

– Основная твоя проблема, – потягивая коньячок, медленно вещала Маринка, почувяв, что ее слова падают на благодатную почву, – у тебя на лбу написано, что ты хочешь замуж. Ты же фактически говоришь это каждому встречному мужику, заглядывая к нему в глаза: «А ты ли мой будущий муж?» А мужик – это охотник. Так, о чем это я? А, мужик – охотник. У меня племяшка есть, в садик еще ходит. Так вот она как-то сказала: «Теть Марина, а я знаю, что нужно сделать, чтобы за тобой все мальчишки бегали!» У меня аж челюсть отвисла. «Что?» – спрашиваю. А она выдает: «Надо встать перед мальчиком и побежать». Беги, Эллочка, беги. И все будут твоими. Хочешь заполучить его – стань жертвой. Но достойной жертвой. Будь независимой, легкой. Флиртуй! – Маринка подлила коньяка себе и Эллочке. – Флиртуй! Но при этом делай вид, что сам по себе тебе этот кадр вовсе и не нужен. И тогда – что?

– Что? – восторженно внимала розовощекая Эллочка.

– Он начнет доказывать, что именно он-то тебе и нужен. А иначе мужик тебе на шею сядет. Вот такой пермендюр.

Иными словами, все было просто.

У Маринки – Эллочка поняла – все было просто. Простые джинсики (но в такую обтяжку... в какую надо, в общем), простой прямой взгляд, изучающий собеседника до печеник, простые истины, но сказанные особым вкрадчивым голосом, как внушение, под гипнозом, – уже не отвертишься. Но Эллочке всего этого и хотелось: коньяка, уюта, простого человеческого участия и «не отвертишься».

– Ты – феминистка? – вопрошала Эллочка в пятый раз.

– Каждый раз, когда я не позволяю вытирать об себя ноги, они говорят мне, что я – феминистка, – отвечала Маринка.

Эллочка снова купилась и даже заплакала, такая это была выстрадавшая правда.

Потом Эллочка шумно рассказывала Маринке про емкости для хранения пропана и котлы-утилизаторы. Восторгалась новым неожиданно открывшимся для нее миром, так не стыкующимся с привычно книжным.

– А мужиков кругом полно! – соглашалась Маринка. – Ты это зря, что «не те», очень даже те! Я вот себе такого клевого компьютерщика подцепила. Знаешь отдел компьютеризации на первом этаже пристройки? Их там пруд пруди. Уже полгода встречаемся! Слушай, а почему у тебя вечно так тихо? – Маринка с темы на тему переключалась неожиданно, не давая Эллочке времени опомниться.

– Не люблю я радио...

– К черту радио! Почему ты диски не слушаешь на компе?

– Да у меня ни дисков, ни колонок нет...

– Айн момент. – И Маринка схватила телефон, Эллочка даже пикнуть не успела. – Отдел компьютеризации? Будьте добры Данилу. Данилка?! Это я, привет, как дела? Слушай, тут бы в редакцию пару колонок, да, да, нашему новому редактору. Не знаешь? Козловцева уволили, Виноградова – редактор. Да, так вот, ей бы колонки, музыку слушать. Ага, и пару болванок, я ей что-нибудь запишу. Что она любит? Элка, ты что вообще слушаешь? – Эллочка пожала

плечиками. – Данилка? Потом выясним. Так что, принесешь? О'кей, целую, пока. Вот так, Эллочка, дела делаются!

Глава четвертая

Важная встреча, которой Эллочка, впрочем, не придавала особого значения

Эллочка работала на новом месте уже больше месяца. Как-то само собой котлы-утилизаторы и емкости для хранения сжиженного пропана перестали сниться ей в страшных снах, похожих на фильмы о Терминаторе. (Иногда, правда, ей снилось, что черные, с голыми торсами, рабочие литейки обмакивают ее, обнаженную, в котел с расплавленным металлом, ей страшно, но не больно, а тепло и щекотно...) Она наконец научилась отличать, какое оборудование нефтехимическое, а какое – бумагоделательное, и перестала ойкать от любых резких звуков в пролетах цехов. Как только начальник, специалист, любая шовинистски настроенная шишка мужского пола повышала на нее голос или говорила: «Нет, я занят», Эллочка тут же представляла себе его в одних трусах. А иногда даже совсем без одежды... Помогало стопроцентно. Голый Козловцев был особенно смешон: общение с ним теперь протекало ровно и без эксцессов.

Дружба с Маринкой крепла день ото дня. Правда, Маринка постоянно удивляла Эллочку, сбивала ее с толку. Точнее, сбивала ее морально-этические настройки, заставляла ее снова и снова задумываться над вопросами, которые, как Эллочке казалось, у нее давным-давно решены. Так, Марина могла прибежать к ней в отсутствие Козловцева с мобильником в руках и начать кому-то названивать:

– Привет, это я. Лучше всех. Как у тебя? Я найду? Может быть, и до утра... Целую. Надеюсь. – И, довольная, отключалась. Глазки ее блестели. Надо сказать, Маринке постоянно кто-то звонил, куда-то звал, что-то предлагал, и только Эллочкин телефон лежал в сумочке, как мертвая, ни на что не годная пластмасса.

– С кем это ты так? – обалдевала Эллочка.

– Да есть у меня один друг. Лелик. Клевый мужик. Алкоголик, правда, зато – настоящий художник.

– А Данилка? – пыталась Эллочка собрать в голове этот пазл.

– А что Данилка? Нити у него, понимаешь, мировые, законы хреновы – а я его у кинотеатра часами жди. И вообще, друг у меня уже давно, а Данилка – без году неделя.

– Так уж и без году... А родителям ты говоришь, что у Данилки ночуешь?

– Нет, конечно, тайное ведь всегда становится явным. Я им правду говорю.

– ?!

– А я им давно сказала, что Лелик – импотент. На почве алкоголизма. Влюблен в меня до смерти, а никак.

– А он правда, того?..

– Того-этого, да все с ним о'кей, – и Маринка хитро подмигивала.

Раньше бы Эллочка жестко осудила Маринку, а теперь почему-то нет, даже веселилась вместе с ней. Иногда, впрочем, посещали ее интересные мысли на эту тему, но времени их обдумать не было, и Эллочка плыла по течению.

Течение кружило и укачивало ее. Она и Маринка ловко выкраивали время посплетничать, выпить чайку или кофейку, сбегать в буфет, подефилировать по коридорам во время наибольшего скопления особей противоположного пола на квадратный метр – да мало ли дел у женщин на работе?

У Элочки не оставалось времени заикливаться над проблемами, досконально обсасывать свои явные или мнимые неудачи, засыпала она легко и быстро, и если ей и снились тревожные сны, утром она их не помнила.

Впрочем, сны в Эллочкиной жизни занимали место видное, значимое. Она любила их разгадывать. На полочке около кровати у нее вперемежку с трудами Юнга и Фрейда стояли сонники. Но единственный вопрос, по которому ей удалось договориться с подсознанием, была прочная связь обуви в ее снах с мужчинами в жизни. Весь последний год, с уходом ее прошлого возлюбленного, Эллочка просыпалась от кошмарных снов, в которых она ходила по городу босиком, мучительно краснея от стыда и обиды. Но сейчас все изменилось: каждую ночь Эллочка попадала в огромные обувные магазины, гипермаркеты, дурела поначалу от обилия туфелек, сапожек и ботиночек, а потом примеряла, примеряла и примеряла их до утра.

Жизнь потихоньку налаживалась, и в один бесспорно замечательный день Эллочка вдруг, оглянувшись, увидела, что она окружена, буквально атакована со всех сторон мужчинами.

Ах ты, господи! У Элочки даже колени задрожали, когда она это наконец осознала. Эллочка шагала по бесконечному коридору заводоуправления, по второму этажу, где располагались: отдел внешнеэкономических связей – Белоножка и семеро умнейших мужичков, вышколенных красавцев, со знанием двух иностранных языков (из них трое – холостые), неженатый директор по качеству и при нем – бюро сертификации, буквально нашпигованное молодыми людьми, часть из которых явно еще не была связана узами Гименея... и все в таком духе!

Когда-то была у Элочки подруга Лариса – женщина, знающая себе цену, немного старше, немного выше и гораздо удачливее в обращении с мужчинами. Она не была красивой, но мужчины липли к ней как мухи на мед. Все годы дружбы, наблюдая удачливость подруги, Эллочка мучительно пыталась разгадать эту загадку. Она перенимала поочередно Ларискину манеру одеваться, манеру краситься, манеру говорить немного в нос, бросать лукавые взгляды и даже пыталась научиться курить, выгибая запястье, нервно перебирать пальчиками... Но это не помогало. Мужчины продолжали липнуть к Лариске, как ворсинки к черному пальто, и только будучи отвергнутыми – ну не могла же Лариска, право слово, встречаться сразу с целой бригадой! – обращали внимание на Эллочку.

Эллочка, которая легко могла построить из себя решительную, уверенную в себе женщину на работе, с мужчинами как-то сразу терялась. Начинала говорить им правду и моментально становилась неинтересной.

Может, все дело в том, что отец Элочки был всегда толст, ленив и мягок, как баба. Или в том, что однажды в детстве в подъезде к ней привалился пьяный сосед дядя Петя. Живи Эллочка на Западе, хороший психоаналитик несомненно докопался бы до истины, но здесь, в России, тайна Эллочкиной робости перед существами противоположного пола грозила навсегда остаться тайной.

Так или иначе, имеющей такую подругу Эллочке мужики иногда перепали. Эллочка им всегда несказанно радовалась. Каждый мужик виделся Эллочке как некий дар свыше, как нечто желанное, заслуженное ею, заработанное бессонными ночами и мокрыми от слез подушками. А свое, полученное таким трудом, Эллочка пыталась схватить крепко и никому не отдавать.

«Как это так? – размышляла Эллочка. – Я так ждала его, столько ночей провела одна (так старательно работала, бегала по магазинам, ухаживала за родителями – варианты бывали разные), открыла ему свою душу, излила свои страдания, помогла устроить его ребенка от первого брака в садик без очереди (здесь тоже могли быть варианты), отказала всем остальным (это, конечно, Эллочка погибала...), одним словом, отдалась ему душой и телом и готова жить с ним в печали и радости – разве он не должен отдать мне все, что у него есть, быть со мной, когда он мне нужен, не звонить своей первой жене и не пить каждое воскресенье пиво с друзьями?»

Мужики сбегали. Сбегали бесславно, с комплексом неполноценности по причине непонимания Достоевского и со стойким убеждением, что все бабы только и мечтают о том, чтобы захомутать мужика, лишить его всех прелестей жизни, обженить на себе, довести до полной прострации и импотенции. А Эллочка убеждалась, что «все мужики – сволочи».

Жила с этой мыслью месяца два, а потом потихоньку возвышенная, радужная, оптимистичная ее натура брала верх, и Эллочка снова слышала стук копыт белого коня. И бросалась в новый омут с головой.

Постепенно Эллочка стала видеть, что так привлекает мужчин к ее подруге. Все оказалось просто: у Лариски на лбу было написано: «Я – отличная любовница». После этого открытия Эллочка пришла к выводу, что у всех людей на лбу что-то написано. Не важно, кто ты есть на самом деле, важно, кем ты себя чувствуешь и как ты это рекламируешь. Реклама – двигатель торговли, начало поиска деловых партнеров и причина заключения удачных сделок. Окунувшись в мир производства, где главный экономист и главный бухгалтер стоят так же высоко, как главный инженер и главный технолог, Эллочка понемножку начала что-то там соображать. Хочешь выгодно продать – убеди всех, что им это нужно. Хочешь выйти замуж – убеди всех, что ты – самая выгодная партия. Реклама – такая штука, что свято место пусто не бывает. Стоит хоть на день не включить вывеску «Я – самая обаятельная и привлекательная!», как тут же появляется надпись «Я – неудачница».

Однажды осознав это, Эллочка тут же воспарила над протертым линолеумом, вся такая счастливая-счастливая, независимая-независимая, совершенно не желающая выходить замуж, как учила ее Маринка.

Но тут Эллочку подловила Драгунова, кабинет которой также размещался на втором этаже.

– Эллочка, сегодня в профкоме планерка – сходите-ка вы туда, послушайте, о чем они говорят, может быть, что-то пригодится для газеты. – Ирина Александровна с интересом рассматривала новую Эллочкину надпись на лбу. – В конференц-зале, в три часа.

Эллочка кивнула и уже готова была упорхнуть, но Ирина Александровна успела перехватить ее.

– Кстати, – сказала она, увидев кого-то в коридоре, – а вот идет председатель профсоюзного комитета Алексей Владимирович Бубнов. Я вас представлю. – И она приветливо махнула рукой высокому грузному мужчине в конце коридора.

Тот, кого называли Алексеем Владимировичем, немедленно подошел. И тут же начал рассыпаться в комплиментах Ирине Александровне, приложился к ее ручке и только потом углядел рядом оробевшую по привычке Эллочку. И тут же сгреб ее маленькую ручку в свою лапу, но целовать не стал, а потряс, скажем так, по-товарищески.

– Знакомьтесь, корреспондент газеты Эллочка Виноградова, – представила Эллочку Ирина Александровна, – прошу любить и жаловать, а также оказывать всяческое содействие.

– Вы – член профсоюза? – Не отпуская до сих пор Эллочкину руку, председатель профкома тут же сжал ее еще сильнее.

– Нет, – честно призналась стухнувшая Эллочка.

– Пойдемте ко мне в кабинет – напишете заявление о вступлении. – И Алексей Владимирович поволок Эллочку, как свою законную добычу, в свой кабинет, который оказался почти напротив драгуновского.

– Ну вот и познакомились... – неопределенно, с ухмылкой, протянула Ирина Александровна.

Кабинет у председателя профкома был не менее стильный и просторный, чем у Драгуновой. А мягкие кожаные диваны показались Эллочке еще более внушительных размеров. И столы...

– Присаживайтесь, – и Бубнов ловко усадил Эллочку, слава богу, не на диван, а на стул у своего стола, а сам сел за стол. – Как вам у нас на предприятии?

– Мне все нравится. – Эллочка потихоньку приходила в себя, осваивалась, старалась принять вид гордый, независимый, что, впрочем, сделать было легко, ибо сидящий рядом мужчина

не вызвал у нее каких-либо определенных чувств. – Я уже освоилась со всей этой терминологией, названиями оборудования, станков, профессий.

– Уже освоились? – улыбаясь, переспросил Бубнов. – Так быстро? Давно ли вы у нас? – И ловко подсунил Эллочке бланк заявления о вступлении в профсоюз. – Да вы пишете, пишете.

– А мне, как я уже сказала, нравится здесь. А когда что-то нравится, то и разобраться в этом легко. – Эллочка и вовсе пришла в себя, закинула ножку на ножку и послушно писала.

– А кем, если не секрет, вы работали до этого?

– Секрет, но я вам его открою: учителем русской словесности.

– Я тронут вашим доверием... – И забрав у нее заявление, сунул его в папку.

Они проболтали час. Эллочка забылась. Рядом с незнакомым мужчиной, в рабочее время, зная о тотальном контроле со стороны редактора, Эллочка забылась совершенно, отключилась от обычных проблем, расслабилась.

Что поделать, Алексей Владимирович Бубнов умел располагать к себе женщин. Это был высокий, солидный, но в то же время по-мальчишески задорный мужчина лет сорока. Со своей уже наметившейся плешкой и животиком – атрибутами возраста – он все-таки вид имел холерный, как человек, у которого есть деньги и который знает себе цену. Одет был хорошо, даже с некоторым шиком, и аккуратно, что свидетельствовало о том, что за ним кто-то следит: жена ли, мать ли...

На данный момент он видел перед собой новую, еще неизведанную женщину, и глаза его горели. И язык, как обычно в таких случаях, работал как помело. На все случаи жизни у него были заготовлены подходящий комплимент, удачная шутка, ловкий пассаж, и он чувствовал себя на коне. Кроме того, он умел ненавязчиво прикоснуться к понравившейся ему женщине, заглядывать в глаза, рассказывать в сотый раз одни и те же «откровения» про себя, но так, чтобы жертва поверила, что все это доверяется именно ей одной. Вся эта артиллерия и была пущена в ход для завоевания глупой разоткровенничавшейся Элочки, а Эллочка об этом даже и не подозревала.

– Вы знаете последнюю сплетню? – Бубнов перешел на зловещий шепот. – Грядет передел собственности. Пока что предприятие формально в собственности трудового коллектива. Но, говорят, нашелся некий бизнесмен, желающий прибрать его к рукам.

– Я думала, его давно кто-то «прибрал к рукам». Ну, когда все все хапали что ни попадя.

– Тем не менее. Здесь хапать-то особо нечего – одни долги. Это-то и странно, что кому-то наш завод понадобился. Знаете, – Бубнов неожиданно придвинулся к Эллочке почти вплотную, – здесь не все так просто, как кажется... Не зря же Он хочет нас купить...

– Кто? – ахнула Эллочка.

– Окунев. – Профсоюзник шепнул в самое Эллочкино ушко фамилию известного в городе предпринимателя.

– Но зачем ему завод? – удивилась Эллочка. – У него же сеть продуктовых магазинов, турфирм, игровых центров. Он же ничего не понимает в производстве!

– То, что ему интересно, он понимает. Не беспокойтесь. А интересны ему только деньги.

– Так завод ведь еле-еле концы с концами сводит, никакой прибыли. Нечем поживиться.

– По документам – это так. Но ведь зарплату же пусть с опозданием, но платят. И банкротом завод не объявляют. Получается, Окуневу есть чем поживиться.

Эллочка с интересом смотрела на Бубнова. Не сердце ее екнуло, нет. У нее снова отчаянно защеколало под ложечкой и даже больше: все похолодело внутри. Впрочем, все тут же и прошло, как не было.

А вечером, когда она сидела в кабинете одна, в дверь постучали.

– Да-да, войдите, – отозвалась Эллочка.

В кабинет всунулся высокий молодой человек примерно Эллочкиного возраста, в длинном поношенном свитере и, как говорили в школе ее оболтусы, хайрастый.

– Я это... колонки принес, – пояснил он цель своего появления, не глядя на Эллочку, и тут же бросился их подсоединять к компьютеру.

– Вы – Данила? – сориентировалась Эллочка, про себя потирая руки от удовольствия разглядеть Маринкиного возлюбленного.

– Да, а вы – Элла Геннадьевна?

– Да просто Элла.

Данилка неожиданно развернулся от компьютера к Эллочке и, близоруко шурясь, попытался ее рассмотреть. Эллочка в ужасе покосилась в зеркало на свое отражение, но все было на месте. Да и к тому же Данилка был чужим мальчиком, а на чужое Эллочка старалась не покушаться. Хотя он ей и понравился.

Данилка снова залез в системный блок, а Эллочка, быстро припудрив носик, уселась в редакторское кресло и продолжала его разглядывать. Что-то в нем определенно было, но что – Эллочка уловить не могла, и ей стало очень любопытно.

– Принести вам сканер? А то вы все к нам бегаετε сканировать – неудобно же... – Данилка присоединил колонки и поставил какой-то свой диск с музыкой – заиграли «Битлз». У него оказалась очень милая детская улыбка. Эллочка непроизвольно заулыбалась в ответ:

– Да, будет очень кстати...

Глава пятая, в которой события идут своим чередом...

Эллочка жила себе спокойненько дальше. Она побывала на планерке профкома, написала заметку в газету, сходила на вручение наград, посетила совещание по пожарной безопасности, поприсутствовала на встрече с китайскими заказчиками...

Как только Эллочка благожелательно настроилась по отношению к миру, мир тут же начал щедро одаривать ее своей любовью. Все было хорошо в Эллочкиной новой жизни. Каждый раз люди – страшное руководство в семейных трусах, незнакомые специалисты, у которых предстояло взять интервью, – в большинстве своем оказывались добрыми. Пусть непонятно, но объясняли ей одно и то же столько раз, сколько она просила. Водили на экскурсии по цехам и производствам. Снабжали литературой. Поили чаем. Может, конечно, сыграли свою роль первые удачные статьи Элочки и то, что она вечерами читала теперь не «Темные аллеи» Бунина, а справочник по сварке металлов...

Каждый день она знакомилась с новыми мужчинами. Старательно записывала в книжечку особенности рынка Юго-Восточной Азии, а сама с упоением разглядывала лицо, прическу, одежду собеседника, вслушивалась в его голос, приценивалась... Эллочка помаленьку училась шутить, хохмить, делать комплименты, отвлекать начальников и специалистов от рутинной, ответственной работы. От нее уже не спешили отмахнуться, как от надоедливой мухи, от глупой девочки. Зачем? С ней можно было расслабиться. Среди напряженного графика, контрактов и технологий можно было расслабиться. Просто посмотреть на порхающую нездешнюю Эллочку и забыть о вечно горящем плане, предстоящей декадке, факсе конкурентов. Эллочку начали охотно зазывать в гости. Эллочка научилась ладить с людьми, подстраиваться под них, иногда требовать с них, иногда позволять им лишнее...

Эллочка, по совету Маринкиной племянницы, научилась неожиданно появляться перед мужчинами, рассеянно здороваться, начинать какую-нибудь фразу, а потом неожиданно, будто вспомнив о неотложном деле, срывать с места и убегать. И это срабатывало. У каждого второго мужчины тут же возникало желание кидаться следом. После каждого чаепития с тем же Белоножкой или Мальковым Эллочка обязательно пропадала хотя бы на недельку – бежала, бежала, бежала... И ее догоняли, ловили, захватывали, брали штурмом. И она была счастлива.

В Эллочкиной жизни теперь было все, что нужно хорошенькой молодой женщине, чтобы чувствовать себя на все сто: работа и деньги, внимание мужчин и подруга, и даже большая и немного страшная тайна в лице Пупкина, который являлся не тем, за кого себя выдавал.

При каждой встрече Эллочка внимательно всматривалась в лицо Пупкина, вслушивалась в интонации. Запоминала все фразы и, если он говорил что-то, выходящее за рамки необходимого служебного общения, сразу же звонила Маринке. Чем больше Эллочка следила за Пупкиным, тем страннее ей казалось его поведение. Наученная подругой, она звонила ему по десять раз на дню с мелкими вопросами и дурацкими поручениями, если он говорил, что идет в цех, то Эллочка через раз следовала за ним и переспрашивала, был ли здесь фотограф. Таким образом, казалось бы, они должны были быть в курсе всех его перемещений, ан нет, случались довольно продолжительные периоды, когда Пупкина нигде не видели. Нигде: ни в цехах, ни в фотолаборатории (они подслушивали под дверью – там все было тихо). С Пупкиным на самом деле была связана какая-то тайна.

Все началось с того, что как-то с утра в ее кабинет влетела Маринка, вся на эмоциях, и, сбиваясь, выложила:

– Наши получили крупный заказ на химоборудование! Для белорусского комбината. А белорусский комбинат наполовину американцы выкупили, своих управленцев посадили, алкоголиков разогнали, зарплату в десять раз повысили – и люди работают. Там с деньгами все нормально, платить будут вовремя. Наши должны им сделать восемь емкостей-колонн. Огромных. Стоит такая дура – тридцать метров высотой и больше, представляешь?

Эллочка не представляла.

– Это очень выгодный заказ. Договор подписали. В баню их, американцев, сводили в русскую, водки налили – и все в порядке. Уже кучу денег авансом получили. Все с утра пьют. Жаль, конечно, что передел собственности идет по полной программе – не нам уже эти денежки достанутся.

– Кому не нам-то? Ты что, акционеркой, что ли, была?

– Да не я, а отец мой. Заставили его все-таки продать акции Окуневу. Он до последнего сопротивлялся, а они так документы подделали, будто по его вине в Архангельск на ЦБК бракованные барабаны ушли, а архангельцы эти знаешь какой нам иск вкатили – виноватым до смерти не рассчитаться. Вот ему и пришлось.

Маринка с Эллочкой вздохнули одновременно: так хочется, чтобы все в жизни было по справедливости и без Окуневых... Но про странный, запоздавший какой-то передел собственности Эллочка тут же забыла, ухватившись за новую тему для газеты.

Оказалось, что Драгунова с Козловцевым уже вовсю носились по заводу то с полупьяными белорусскими американцами, то с телевидением, то с прессой. Тогда Эллочка взяла все в свои руки (точнее – Пупкина под мышку) и стала бегать за Мальковым, чтобы получить информацию и попросить о встрече с заказчиками, чтобы Пупкин сделал снимок. К обеду Мальков сдался.

Американские заказчики оказались просто специально обученными белорусами. И фамилии у них были самые что ни на есть неамериканские: Поползенек и Поносенок. Как Водкин, Стопкин и Огурцов в двадцать втором цехе. Так белорусские фамилии еще и склоняются! Эллочка представила себе будущий материал: «По словам главного специалиста Поносенка, этот заказ...» Пупкин, впрочем, лишенный чувства юмора и исполненный профессионализма, уже встал в стойку. «Фас!» – скомандовала Эллочка, и он начал щелкать.

Фотографии эти взмыленный Пупкин принес ей только под вечер.

На фотографиях лица Поносенка и Поползенка отражали понимание всей важности момента. У начальника отдела внешнеэкономических связей Белоножка и главного «химика» Малькова были туповато-солидные рожи. На столе красовался весь ассортимент соседнего ликеро-водочного завода.

Почувяв это, позвонил протрезвевший к вечеру Белоножка:

– Элла Геннадьевна, м-м... – он явно смущался. – Могу я увидеть сегодняшние фотографии с заказчиками?..

Эллочка сухо сказала в трубку:

– Завтра я положу вам их в буфер в электронном виде. Всего хорошего.

Эллочка начинала чувствовать свою силу.

Эллочка добилась уважения начальства.

Эллочка купила себе дорогую ручку с золотым пером. Эллочка видела редактором себя, себя, родную, себя, любимую, в новом суперсовременном кресле, как у Драгуновой, командуемую двумя корреспондентами и фотографом.

И только Козловцев был бельмом на глазу новой Эллочкиной жизни, ложкой дегтя в ее личной огромной бочке меда. Эллочка сумела адаптироваться к его ругани, упрекам, но от этого редактор начал злиться еще больше. Уже через месяц совместной работы ему удалось спихнуть на бедную Эллочку свои прямые обязанности, он заставлял ее одну писать целый

номер – все четыре полосы. Под предлогом «в типографию» он постоянно отлучался куда-то по своим личным делам, в остальное же время шпионил за Эллочкой. Он проверял, куда Эллочка пошла, выяснял у начальников цехов, как долго она была на производстве, звонил людям, с которыми у Элочки была назначена встреча, там ли она...

Эллочка сидела и тупо смотрела в монитор на раскрасневшиеся физиономии американских белорусов. Понятно, что в таком виде фотографии в номер пойти не могли. Эллочка открыла «Фотошоп» и лениво замазала водочные бутылки на столе, залепила их папками с предыдущих фотографий. Потом сделала копию, вставила в нее букет ромашек из Маринкиного фотоальбома и, хихикая, отослала Белоножку.

А Козловцев безжалостно наступал на горло Эллочкиной песне. И еще он ненави-дел Маринку. Все Эллочкино время, Эллочкины таланты, Эллочкины наряды принадлежали только Козловцеву. Видя кругом приятных молодых людей без обручальных колец, она была вынуждена львиную долю своего времени проводить с человеком, который методично доказы-вал ей ее несостоятельность. Эллочка осатанела.

– Прощу, – широким жестом профсоюзный лидер открыл перед Эллочкой заднюю дверцу служебной «Волги».

Иногда, как ангел-спаситель, в кабинет впархивал Бубнов. Раскланявшись с Козловце-вым, прилагался к Эллочкиной ручке и, не выпуская, умыкал ее куда-нибудь на районную профсоюзную планерку. Как ему удавалось убеждать редактора, что присутствие на нем кор-респондента газеты «Корпоративная правда» обязательно, Эллочка не знала. Да она и не задумывалась об этом. Зато именно так Эллочка и представляла свое спасение в этой жизни: принц на белом коне, умчавший ее прочь от всех проблем...

Эллочка занесла ножку в открытую дверцу:

– А давайте возьмем Пупкина с собой, – спохватилась она.

– Нет, не возьмем мы Пупкина, – с каким-то непонятым Эллочке намеком промурлыкал Бубнов. Уселся впереди, и они поехали. – Как жизнь? Хорошая работа у журналистов – любой вопрос можно задавать кому угодно, а не мучиться от любопытства, не так ли?

Непонятно было, к чему это он, но Эллочкиным мыслям это оказалось созвучно.

– Да-да, – задумчиво сказала она, – можно зайти в отдел кадров и все про всех узнать, взять личное дело под предлогом, что собираюсь писать...

Бубнов довольно потер руки: видимо, Эллочка попала на какую-то его удочку.

– Только вот про меня вам не узнать ничего.

– А с чего вы взяли, что я что-то хочу про вас узнать? – очнулась Эллочка, но тут же повелась: – А почему это?

– А потому, что у профкома свой отдел кадров, своя бухгалтерия, своя служебная машина, которую вместе с кабинетом по закону ему обязано выделять предприятие, и свой счет в банке!

– Да?

– Да!

«Интересно, женат он или нет», – лениво подумала Эллочка...

Провести полдня, болтая с Бубновым на заднем ряду огромного зала районного комитета профсоюзов, это, конечно, было хорошо. Но возвращаться на рабочее место все же приходилось. Каждый раз Эллочка шла к себе в кабинет, как на баррикады, – так ей хотелось высказать Козловцеву все, что она о нем думает. Но тот, как правило, предусмотрительно в кабинете отсутствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.